

Иногда Слава требует от меня светотени.
— Ты думаешь, что я — Веласкес?
— Нет, я так не думаю. У тебя в
«Исцелении бесноватого» нет ощущения
священного ужаса. А у Веласкеса всегда
есть...

два дня писать не хочется. Я, с одной стороны, и люблю живопись, и учусь, и чувствую себя ничтожной на фоне мирового наследия. Сложные у нас с живописью отношения.

? В жизни для вас главное — семья. А в картинах?

— Рисовала я зимний пейзаж «Ещё не вечер» нам с мужем на серебряную свадьбу. Он там дуб, я ёлочка, девочки мои — ёлочки, сын — дубок. Рисовала просто как тост, а после вечеринки посмотрели — вроде неплохо, пусть висит. На другой картине мы со Славой летим, как Мастер и Маргарита. Есть картина «Пуаро и Коломбо утешают Нину и Славу». Мы с мужем любим смотреть детективы, потому что у нас была тяжёлая жизнь с алкоголиком-соседом, который и кости нам ломал, и жизнь. А детектив — он как-то помогал нам отвлечься, забыть свои проблемы.

Слава у меня очень странный, гениальный. Знаток языков. Он молдаванин, раньше язык преподавал, 20 лет назад. Он никогда не узнаёт меня на улице, только если я подойду и ткну его в пузо, он опомнится: «А, это ты, ты откуда?» Я тут недавно на «Яндексе» в рубрике «Это мы узнали в прошлом году», посвящённой открытиям, прочла, что осы узнают друг друга в лицо, каждая каждую. И я пишу своей подруге в Москву: «Вот осы узнают друг друга в лицо, а меня Слава

Натюрморт — это на редкость «тихая» вещь. Обычно главный герой всех натюрмортов — вихрь, только цвет у вихря всегда особенный, то белый, то золотой.

